

III

Лари, клуатры, кабинки

Благодаря монастырской дисциплине, уже не говоря о том, что монахи должны были регулярно молиться и изучать Писание, монастыри являлись самым подходящим местом для создания и хранения манускриптов. Но это не означает, что в раннем Средневековье монастыри ломались от книг. Все книжное собрание одного монастыря могло исчисляться лишь десятками кодексов. Библиотека из нескольких сотен томов считалась очень большой. Легко представить себе, каким важным событием было появление нового манускрипта (должно быть, его копировали с книги, одолженной у другой обители). Кроме того, кодекс можно было получить в обмен на другую книгу, скопированную с той, что уже есть в монастыре, а еще — в подарок или в наследство.

Некоторые монастыри находились в труднодоступных местах, и это уже само по себе обеспечивало книгам определенную защиту, но и в монастырских стенах за сохранностью коллекции скрупулезно и систематически следили. Обычно в монашеской общине имелся библиотекарь, иногда его называли словом «прецентор» (precentor), которое также обозначало и регента в церковном в хоре. Этот человек вел учет гимнариев, псалтырей и других духовных книг.

Таким образом, библиотекарь был обязан знать, где находятся в каждый конкретный момент книги общины. С начала Средних веков в некоторых орденах был заведен такой же порядок, как у бенедиктинцев: в установленное время члены всех подразделений монастыря собирались, чтобы возвратить книги, выданные им в прошлом году, и взять новые книги на наступающий год. Вот что говорится в описании этой «общей монастырской практики», датированном XI веком:

В понедельник второй недели Великого поста, покуда братия не вошла в зал собраний, пусть книгохранитель расстелет ковер и соберет на оном все книги за исключением тех, кои были выданы в прошедшем году. Братья пусть войдут в зал собраний всякий со своею книгою в руке. <...>

Затем пусть библиотекарь огласит порядок, в каком братья брали займы книги в прошедшем году. Всякий брат, услышавши свое имя, возвратит ту книгу, коя была выдана ему в прошедшем году. Тот же, чья совесть вопиет к нему, ибо он не прочел книгу, коя была ему выдана, пусть упадет ниц, кается в своей вине и молит о прощении.

Затем пусть библиотекарь вновь раздаст книги, именно, всякому брату даст для чтения иной том, нежели прежний⁵⁵.

Нынешний обычай университетских библиотек в конце академического года предъявлять список задолженностей преподавателям (которым, как и средневековым монахам, часто позволяют держать у себя книги подолгу) восходит к этой практике бенедиктинцев. Сама возможность того, что книгу могли не прочитать или не переписать за целый год, говорит о низком уровне грамотности или научной любознательности в монастырях (что и сегодня наблюдается в некоторых учебных заведениях). Но тот факт, что для книг расстилали ковер, означал, что о книгах было принято заботиться вне зависимости от того, читали их или нет. Схожий обычай, продуманный до мелочей, практиковали августинцы:

Заботам Книгохранителя, который также именуется Прецентором, препоручаются все церковные книги; их все он должен хранить и знать по своим заглавиям; он должен часто со тщанием осматривать их, дабы не допустить никакого ущерба или повреждения от насекомых или гнили. Он должен также каждый год в начале Поста выносить книги в Зал собраний и выставлять перед собранием... Также он обязан выдавать братьям книги, кои, по их разумению, будут им полезны, и указывать в своем списке заглавия книг и имена тех, кому они выданы. Сии последние, будучи спрошены, должны внести залог за выданные им книги; они не могут и передавать их кому-либо иному, знакомому или незнакомому, не получив прежде позволения на то у Книгохранителя. Не должен в свой черед и Книгохранитель давать книги, не получив заклада равной цены; после того он должен указать в своем списке имя заемщика, заглавие данной ему книги и размер заклада. Большие же и самые ценные книги он не должен выдавать никому, знакомому или незнакомому, не получив соизволения на то у Прелата⁵⁶.

Но где же хранились «большие и самые ценные книги» в Средние века, когда «и книги, и добропорядочность были редкостью»⁵⁷? Помимо того что в библиотеках тогда было мало книг, отдельным томам было сложно найти замену, поэтому когда книги не читали или не сдавали на хранение надежному человеку, их запирали в армарию или в ларе, напоминающем солдатский сундучок. Считается, что книжный ларь и армарию получили распространение в одну и ту же эпоху, но лари использовались для собраний поменьше и для тех, которые нужно было перевозить с места на место. В кафедральном соборе Херефорда (на западе Англии, возле границы с Уэльсом) три книжных ларя сохранились до XIX века, когда наконец стало ясно, что это за предметы. Один ларь, сделанный около 1360 года, имеет 1,8 метра в длину, 53 сантиметра в высоту и 53 сантиметра в ширину. Он украшен искусной резьбой и стоит на крепких угловых ножках. Крышка запирается тремя разными замками, для которых нужны три разных ключа. (В те времена замки делали такими, что вряд ли конкретным ключом можно было

открыть какой-то другой замок кроме того, для которого ключ предназначался.)

Самые целеустремленные грабители, конечно, не пасовали и перед такими ларями, даже если они были доверху наполнены манускриптами⁵⁸. Можно было поднять целый ларь и вынести его из помещения. Можно было запросто разрубить дерево массивным топором. Ларь должен был защитить книги не от серьезных грабителей — предполагалось, что такие и не должны проникнуть за монастырскую ограду, — а от тех братьев, которые тайком брали книги и потом не помнили (или притворялись, что не помнили) об этом. Замки служили для того, чтобы крышку не открывали без спроса. А если три ключа хранились у трех монахов, один или даже двое не могли открыть ларь, не поставив в известность еще одного или двух монахов. Одним из хранителей ключей был, по всей вероятности, библиотекарь, который, таким образом, знал, кто и когда брал книги из ларя, и мог это записать. В романе Умберто Эко «Имя розы» красочно описано, на какие ухищрения могли идти средневековые монахи, чтобы защитить книги (или пресечь их распространение).

Еще один средневековый книжный ларь, который уцелел в Херефорде, так как в нем хранили что угодно, только не книги, тоже был сделан в XIV веке, если судить по его железной оковке⁵⁹. Ларь смастерили из очень легкой древесины тополя, но при ремонте снабдили тяжелой дубовой крышкой — в таком виде он и дожил до наших дней. Оригинальная конструкция, вероятно, обеспечивала легкую транспортировку, а железные перетяжки и углы предохраняли от повреждений в дороге. Видимо, за перетяжки можно было браться и для того, чтобы переносить с места на место тяжелый ларь с книгами внутри: когда епископ переезжал из одной резиденции в другую, нужные ему книги путешествовали с ним.

Этот ларь в длину имеет почти 1,2 метра, в высоту — чуть больше 45 сантиметров, в ширину — чуть больше пятидесяти сантиметров. Таким образом, два херефордских ларя по ширине почти одинаковы. Из этого можно сделать вывод о том, как в них укладывались книги. Ларь поменьше, на котором нет резьбы (она могла пострадать во время транспортировки), был также снабжен на торцах кольцами, в которые вдевался шест для переноски. Что до третьего херефордского ларя, его полукруглая, покрытая корой крышка была сделана из ствола дерева.

Книжные лари были в употреблении не только у путешествующих епископов. Ими пользовались и особы королевской крови, и насельники монастырей. На иллюстрации из манускрипта XII века изображен Симон, настоятель Сент-Олбанского монастыря, который сидит перед книжным ларем и читает книгу (а может быть, показывает кому-то, кто смотрит ему через плечо, какое-то место, ради которого книга и была извлечена на свет)⁶⁰. Крышка ларя открыта: это подтверждает, что именно оттуда книгу и достали; видно, что в ларе лежат другие книги. Ближе к правому торцу ларя виден один из замков; значит, у противоположного края тоже есть замок и, возможно, еще один в середине. (На крышке, которую не полностью видно из-за фигуры аббата, отчетливо различимы две защелки.) Скорее всего, чтобы открыть этот ларь, был нужен хотя бы еще один человек с ключом (если только настоятель не хранил у себя сразу оба). Похоже, что на открытой крышке лежит митра; настоятель, который вполне мог носить такой головной убор, вероятно, заглядывал в ларь, чтобы найти нужную книгу, и не хотел, чтобы митра свалилась у него с головы. На иллюстрации частично показана внутренность ларя, а книга в нем, кажется, стоит на корешке (то есть передний ее обрез смотрит наверх). Может быть, это оттого, что настоятель рылся в книгах, чтобы

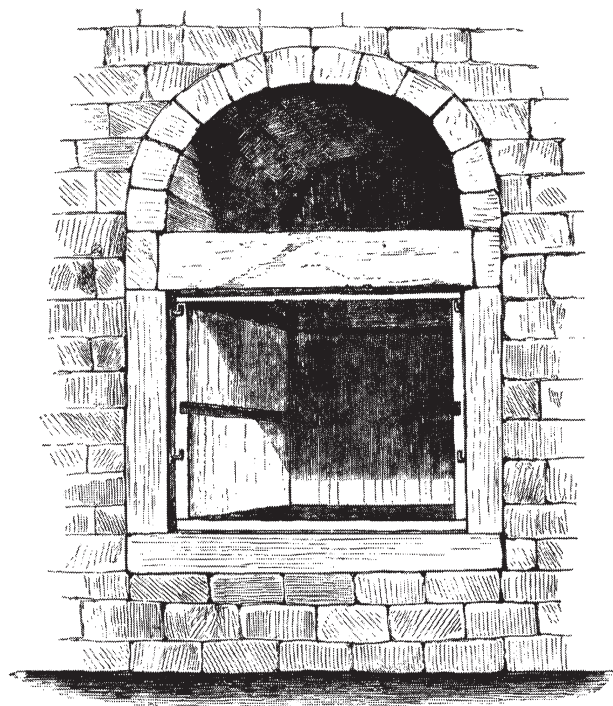
На этой иллюстрации XII века изображен настоятель Сент-Олбанского монастыря Симон, читающий перед открытым ларем: в Средние века книги часто хранили в таких ларях

найти нужную, но вполне возможно, что книги просто хранились в таком положении: именно передний край, а не корешок мог что-то сообщить о содержании тома.

Книга, которую читает Симон, опирается на передний край ларя, расположенный как раз на удобной высоте. Похоже, ларь намеренно подняли над уровнем пола, водрузив на какую-то подставку. Вообще средневековые книжные лари, по крайней мере сохранившиеся до наших дней, стоят либо на ножках, либо на подставке. Для этого есть по меньшей мере две причины. Во-первых, если ларь приподнят над полом хотя бы на 2,5 сантиметра, его проще поднять и перенести в другое место. Во-вторых, если ларь поднят, его

деревянное дно и, как следствие, содержимое предохраняются от сырости и воды. В средневековых каменных аббатствах сырость создавала определенные трудности: в своде предписаний августинцев библиотекарю наказывали, чтобы ниши для книг, устроенные в каменных стенах, были «изнутри выделаны деревом, дабы сырость стен не увлажняла и не пятнала книг»⁶¹. (В таких открытых нишах хранились книги общего пользования — например, псалтыри, которые были регулярно нужны монахам во время церковных служб.)

В запертом ларе лежали книги, представлявшие определенную ценность, и их не следовало уносить от открытого ларя; читателю не стоило даже поворачиваться к своему ларю спиной, чтобы не ввести кого-нибудь в искушение взять книгу без спросу и не вернуть. Таким образом, читать сидя лицом к ларю, как делает Симон, означало проявлять ответственность и заботиться о сохранности книг. Кроме того, даже если ларь стоял в углу помещения, которое мы могли бы назвать библиотекой, рядом могло и не оказаться стола, куда можно было положить книгу. Скорее всего, средневековым читателям было бы неудобно читать книгу, лежащую горизонтально: чаще всего под книгу подкладывали другой том или же ставили ее на наклонную плоскость, напоминающую современную кафедру или пюпитр. Английское слово *lectern* (кафедра) происходит от латинского глагола *legere* (читать). Даже у современных кафедр поверхность наклонная, чтобы на ней можно было держать книги или конспекты. Что же до трибуны (*podium*), которую часто путают с кафедрой и иногда употребляют эти слова как синонимы, то на ней стоят, о чем говорит и родство английских слов *podium* и *rew* (церковная скамья): последний предмет церковной мебели сыграл важную роль в развитии книжных полок.

Ниша для книг приблизительно конца XII века из цистерцианского аббатства Фоссанова (Италия)

В монастырях книги общего пользования иногда хранились в стенной нише, обшитой изнутри деревом, рядом с дверью, через которую монахи шли в церковь. Деревянную полку и дверцы, судя по всему, убрали и приспособили к другому местилу, когда этот арматум соттине перестал использоваться для хранения книг

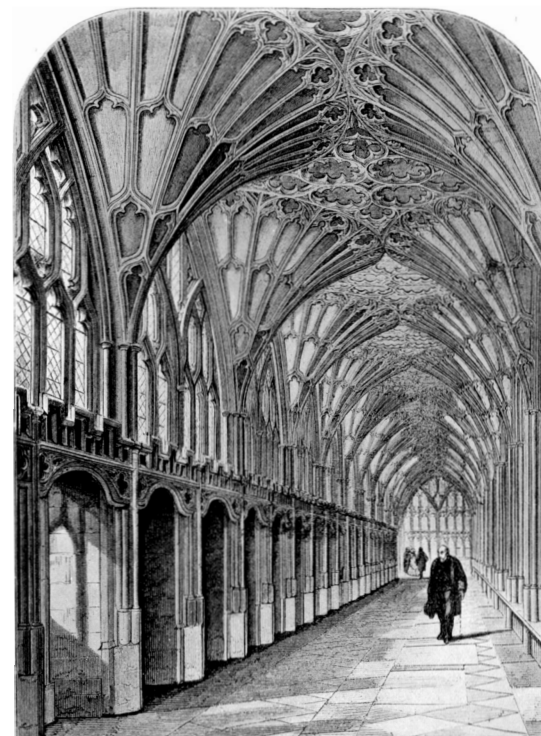
Возможно, Симону не хватало хорошего источника света возле его книжного ларя. Он сидел лицом к стене, и книга оказывалась в тени, хотя на иллюстрации видно, что он отставляет ее от себя подальше, чтобы на нее падало больше света. Задолго до электричества люди пользовались свечами и масляными лампами, но читатели были недовольны копотью и запахом от них так же, как мы сегодня недовольны сигаретным дымом и вредоносными испарениями в плотно закрытых недавно построенных помещениях. Таким образом, люди издавна предпочитали читать при дневном свете. Наверное, для ученого монаха, которому посчастливилось жить там, где достаточно солнца, и получить для своих занятий место у правильно расположенного окна, не было большего удовольствия, чем сидеть у этого окна и читать, а в особенно погожий денек взять книгу в монастырский сад и сидеть с ней возле ярких и благоухающих цветов. У средневековых монахов, жизнь которых протекала в монастырских клуатрах и была подчинена строгому распорядку, вероятно, многие радости были связаны именно с книгой, хотя, если они искали уединения, книги могли их отвлекать.

В какой-то момент монах, как многие современные ученые, начинал задумываться о личном пространстве для занятий. Такой индивидуальный отсек, называвшийся кабинкой, по площади был зачастую не больше чулана, но монахи жаждали обладать им, поскольку это была личная комната. Первое дошедшее до нас упоминание о монашеских кабинках связано с орденом августинцев и относится к 1232 году⁶². Кабинки описывали по-разному: «занятные деревянные сооружения»⁶³, «маленькие каморки размером с будку часового»⁶⁴. Несмотря на то что кабинки были крохотными, именно они послужили моделью для личного кабинета в эпоху Возрождения.

Эволюция кабинки — прекрасный пример того, как развивается технология в рамках доступных условий и как она меняется, когда необходимо решить ту или иную проблему. Архитектура монастырских клуатров и более поздних готических соборов всем знакома: фотографии очень любят снимать длинные ряды каменных колонн, которые идут по внешней стороне крытой галереи и обрамляют двор или сад. Внутренняя сторона галереи — это, как правило, сплошная стена, за которой может находиться часовня, церковь или большой собор. Окон в этой стене нет, потому что галерея забирала бы свет, который бы в них поступал; кроме того, источники света в церкви — это окна, расположенные наверху. Поскольку ближе к уровню пола окон не было, молящиеся не отвлекались во время службы на то, что происходило снаружи.

Иногда в проемах между колоннами, отделяющими галерею от двора, устанавливались скамьи, на которых монахи очень любили сидеть с книгой, в первую очередь из-за хорошего дневного освещения. В монастырях, где не было специальных скрипториев или помещений для занятий письмом, освещенные места между колоннами особенно ценились; на них претендовали самые старшие или самые пронырливые монахи: такие места лучше всего подходили для чтения, письма, переписывания. Здесь можно было сосредоточенно работать в тишине и относительном уединении. (Конечно, иногда такие условия больше располагали ко сну, чем к ученым занятиям.)

В умеренном климате кабинки в западноевропейских монастырях были, вероятно, уютными (а то и навевающими сон) уголками, но на холоде читать в них было не очень то удобно. Писцы довольно часто «жаловались на то, что им трудно работать холодной северной зимой»⁶⁵. Кроме того, писцы сидели лицом к внутреннему двору и галерее,

В галерее Глостерского собора есть длинный ряд ниш, которые наверняка превращались в великолепные кабинки для чтения

а значит, отвлекались на проходящих мимо людей. В какой-то момент эти недостатки примитивной кабинки решили устранить: ее обшили деревом и таким образом утеплили и отгородили от внешнего мира. В деревянной перегородке проделывалась калитка или дверь, а если кабинка выходила на внутренний двор, в ней устанавливалось застекленное окно. Так монаху не досаждали ни посторонние люди, ни погода. По словам Бернетта Стритера, бывшего каноника Херефордского собора и исследователя средневековых библиотек на цепях, «именно в хорошо освещенной кабинке,

смежной с клуатром, а не в темных „кельях“, как многие воображают, монах читал, переписывал и раскрашивал удивительной красоты иллюстрированные [манускрипты], которыми мы так восхищаемся»⁶⁶.

В начале XVI века о кабинках, существовавших в цистерцианском аббатстве Клерво (Франция), писали так: это места, «где монахи едят и занимаются чтением»⁶⁷. Но в начале XVIII века, по крайней мере в этом аббатстве, кабинки уже не были местами для тихих раздумий и ученых занятий:

Из большого клуатра вы попадаете в клуатр для бесед, называемый так оттого, что братьям позволяется здесь разговаривать друг с другом. В этом клуатре есть двенадцать или пятнадцать небольших ниш, следующих одна за другой в ряд, и в прошлом братья уединялись там для писания книг: потому и сегодня эти ниши зовутся комнатами для письма⁶⁸.

Как и любимыми технологиями, средневековыми кабинками можно было злоупотреблять: монахи держали в них книги за закрытыми дверями, и другие не могли так просто воспользоваться кабинкой⁶⁹. Это явное нарушение библиотечного этикета. Но, как бы то ни было, замкнутое пространство кабинки обладало такими преимуществами для серьезной работы, что их продолжали систематически оборудовать и использовать, несмотря на вопиющие злоупотребления.

Если кабинок было ограниченное количество (а так оно всегда и бывает), первыми на них претендовали те, кому пространство требовалось больше других, или те, кто заслуживал этого по праву старшинства. По словам аббата Уэйра, который жил и работал в середине и конце XIII века, только когда новиици* обнаруживали определенную искусность,

* Новиици — католические монахи, которые недавно поступили в монастырь.

им разрешалось сесть в кабинке и «рассматривать книги, взятые из армариев более старших монахов. Но им еще не разрешено заниматься письмом или иметь собственные кабинки»⁷⁰, в частности потому, что там «можно хранить личные и, возможно, недозволенные предметы»⁷¹. В самом деле, «отдельные монахи иногда присваивали кабинки, запирая их на замок. Это то и дело становилось поводом для жалоб; епископы наказывали регулярно (три-четыре раза в год) проверять кабинки»⁷².

Кабинки для чтения и сегодня можно встретить в самых разных книгохранилищах. В некоторых исследовательских библиотеках они мало отличаются от средневековых кабинок. Например, в Университете Дьюка, где за мной много лет сохранялся собственный кабинет и место для работы, в современной готической пристройке к библиотеке Перкинса повсюду есть великолепные кабинки. (В оригинальном здании кабинки тоже есть, но без окон, которые оказались закрыты при сооружении пристройки.) Размеры этих отдельных запираемых кабинок зависят от их расположения по отношению к книжным полкам. Кабинки, устроенные напротив внутренних стен или стеллажей, не имеют окон и по размеру похожи на одежный шкаф: в них едва хватает места, чтобы поставить небольшой стол и стул. Приватность обеспечивают дубовые панели высотой примерно в 240 сантиметров, но потолка у кабинок нет, сверху они открыты.

Разумеется, в современной библиотеке такие кабинки существуют благодаря искусственному освещению. Когда мне впервые выделили кабинку, она оказалась внутренней и располагалась на максимальном удалении от окна. Между внешней стеной здания и моей кабинкой было много книжных стеллажей, так что, когда свет выключали (или он гас из-за перебоев с электричеством), вокруг становилось совершенно темно. Несколько раз я приходил в библиотеку

еще до открытия и попадал внутрь вместе с персоналом. Лампы в книгохранилище еще не были включены, и мне приходилось пробираться к своей кабинке на ощупь, затем так же на ощупь, полагаясь на привычку, вставлять в замок ключ. И только оказавшись в кабинке, я мог зажечь небольшую лампу: ее света мне хватало, чтобы читать и писать.

Самые большие кабинки в библиотеке Перкинса, на которые всегда претендует много желающих, находятся напротив внешних стен. Их размеры, прямо как в Средние века, определяются расстоянием от одной колонны между окон до другой или расстоянием между вертикальными поперечниками посередине каждого окна. Многие годы я мечтал получить такую кабинку в свое распоряжение, но что я мог сделать? Только попросить хранителя кабинок записать меня в длинный лист ожидания. Через какое-то время мне выделили новую кабинку — у окна на северо-западном фасаде здания. Она была не больше предыдущей, но обеспечивала бóльшую приватность: деревянные панели тянулись до самого потолка. Кроме того, в нее поступал свет из высокого окна: искусственное освещение требовалось только в самые хмурые дни. (Впрочем, когда в окно били лучи предзакатного солнца, в кабинке становилось слишком светло и жарко, и работать в ней было так же трудно, как и в предыдущей, темной.)

В этой библиотеке была замечательная система выдачи книг. Я мог бродить между рядами полок этой превосходной библиотеки, в которой насчитывается четыре миллиона томов, и приносить к себе в кабинку любые книги. Чтобы записать книгу на себя, нужно было только заполнить формуляр и еще одну узкую зеленую карточку, вложить их в книгу (зеленая бумажка торчала, как закладка) и оставить на ближайшем к двери углу стола. В двери было проделано небольшое окно, которое нельзя было ничем закрывать

(но временные владельцы кабинок часто закрывали окошко открытками, плакатами и афишами, пытаясь таким образом выразить свою индивидуальность, анонсировать тему диссертации или отгородиться от чужих взглядов). Каждый день сотрудник библиотеки заглядывал во все окошки. Если он видел, что на столе лежит книга с зеленой карточкой, то открывал кабинку своим ключом и производил учет, а затем оставлял книгу в кабинке.

Чтобы возвратить книгу, нужно было просто перевернуть зеленую карточку и оставить книгу на том же углу стола. Сотрудник библиотеки ее забирал, вносил в формуляр сведения о том, что книга сдана, после чего ставил ее обратно на полку. Трудно представить себе более удобную систему, однако мне посчастливилось такую найти: это было в Национальном гуманитарном центре, где я целый год писал книгу об истории карандаша. В этом здании, где идут длинные ряды кабинетов — так здесь называют кабинки размером с комнату, — нет библиотеки как таковой, но есть библиотекарь и двое сотрудников, которые получали в местных исследовательских организациях и по системе межбиблиотечного обмена любые книги, необходимые работающим в центре ученым. Потом книги складывали в стопки в общем зале, оттуда их забирали и туда же возвращали. (Насколько я понимаю, эта система действует в Национальном гуманитарном центре до сих пор, а вот в Университете Дьюка, увы, кабинки больше не обходят — вероятно, из-за слишком высокой стоимости трудовых затрат. Теперь мне приходится относить книги на стойку выдачи, где их запишут на мое имя, как если бы я хотел забрать их домой. Понесу ли я их в кабинку, библиотеку не волнует.)

Чем активнее я пользовался кабинкой, чем больше в ней скапливалось книг, которые заполнили единственную полку над столом и теперь лежали уже на и подоконнике, и на

полу, тем больше я мечтал о кабинке побольше на верхнем этаже библиотеки, где были окна в неоготическом стиле шириной 210 сантиметров и высотой 420 сантиметров. Через некоторое время такая кабинка мне досталась. Она находилась в северо-восточной части здания. Ранним утром в нее попадало мало прямых солнечных лучей, но окно было таким большим, что рассеянного света вполне хватало. Вечером и очень редко днем мне приходилось включать единственную небольшую лампу, которая освещала просторный стол с более вместительной книжной полкой. (Под высоким потолком тоже висел светильник, но лампочка, до которой трудно было дотянуться, почти всегда была перегоревшей.)

В конце второго тысячелетия библиотечные кабинки сооружаются и обустраиваются практически так же, как в Средние века. Это говорит о том, что их дизайн был изначально хорошо продуман, особенно с учетом многих ограничений, существовавших как в прошлом, так и в настоящем. Впрочем, некоторые приспособления переросли пространство, которое отводилось им в монастырях: речь идет о тех вместительных книжных шкафах, которые располагались вблизи столь ценных монахами кабинок.

Логично было бы держать армарий или ларь с книгами, которые монахи не растащили по своим кабинетам, у внутренней стены крытой галереи. Монахам, работающим в кабинках, такое расположение было удобно. Даже если для того, чтобы достать из армария нужный том (зачастую тяжелый), требовался ключ библиотекаря, книги не надо было носить далеко. (В 1998 году сотрудники новой Национальной библиотеки в Париже — той самой, которую поспешили объявить «первой библиотекой третьего тысячелетия»⁷³, — объявили забастовку, в том числе из-за того, что им приходилось носить «по длинным коридорам, открывая по пути массивные двери»⁷⁴ тяжелые тома, которые были слишком

большими для компьютеризированной системы выдачи книг — впрочем, она все равно сломалась, — из хранилищ, устроенных в похожих на открытые книги башнях, в читальные залы, расположенные довольно далеко.) По словам Стритера, к 1300 году в монастырях, где были «ряды кабинок», уже установился порядок: «книги, взятые из соседних шкафов, можно было читать при хорошем освещении в месте, где читателям почти не мешали посторонние, зато за чтением наблюдал человек, ответственный за сохранность книг (таких людей могло быть и несколько)»⁷⁵.

Итак, книжные полки располагались на удобном расстоянии от кабинок; кроме того, они занимали выгодное пространство вдоль стены галереи, которое почти никогда не использовалось рационально. До широкого распространения кабинок клуатр был, очевидно, местом для тихих раздумий и, если это позволялось, для разговоров. На каменных скамьях, стоявших вдоль стен или в нишах, вероятно, было удобно сидеть, размышляя или ведя беседу. Обычно эти внутренние стены ничем не украшались; уж конечно, монахов они отвлекали меньше, чем голубое небо или зеленая трава в клуатре.

Когда кабинки начали загромождать вид, а присутствие созерцателей или беседующих стало отвлекать и даже раздражать тех, кто в них работал, вероятно, предложение использовать пространство вдоль стен для хранения книг не встретило возражений. Скорее всего, его восприняли с воодушевлением, особенно если вместе с этим предполагалось вставить окна между выходящими во двор колоннами, чтобы защитить галерею от непогоды. Даже когда между колоннами были сделаны кабинки, в галерею поступало достаточно дневного света, проникавшего через двери, которые, вероятно, устанавливались для того, чтобы кабинку со всем содержимым можно было надежно запереть, или

через пространство над дверями, которое оставляли, чтобы можно было разыскать оставленные в кабинках книги. Вот, например, описание всей системы в Даремском соборе, взятое из «Даремского чина» («интереснейшей книги»⁷⁶, представляющей собой «рассказ свидетеля „монашеской церкви“ Дарема до ее роспуска»⁷⁷):

В северной части клуатра, от угла против церковной двери до угла против дормитория, все было сверху донизу убрано в доброе стекло, и оно едва выдавалось во двор. Во всяком проеме было три скамьи или кабинки, отделенные одна от другой, и у всякого из старых монахов была своя кабинка, и по дневной трапезе они удалялись в одну кабинку и там трудились над книгами, всякий в своей кабинке, все время после полудня, до самой вечерни. Таково было их занятие во всякий день.

Все скамьи или кабинки были хорошо и весьма плотно обиты дубом, кроме передней их части, где были проделаны резные отверстия, еже проходил свет сквозь дубовые двери кабинок. И во всякой кабинке был стол для того, чтобы класть на него книги. Кабинки же были не большего размера, чем расстояние между двумя поперечниками, делящими окно.

Напротив же кабинок вдоль церковной стены стояли большие армарию из дуба, полные книг, где лежали старинные писания купно и Учителей Церкви, и языческих писателей, а равно и иных благочестивых мужей сочинения. И всякий читал того Учителя, коего ему было угодно читать, а кроме тех кабинок, всегда мог пойти в Библиотеку⁷⁸.

Иными словами, в Дареме (возможно, не только в нем) проемы между колоннами по одной стороне клуатра были застеклены практически сверху донизу. В каждый проем вмещалось три отдельных кабинки, в которых монахи уединялись с книгами. Маленькие кабинки были обшиты плотными дубовыми панелями, но в дверях вырезались ажурные отверстия, сквозь которые проходил свет (и могли заглядывать другие люди, в том числе хранитель книг). Каждая кабинка была не шире, чем расстояние между вертикальными поперечниками, делящими окна. Напротив

кабинок вдоль церковной стены без окон стояли армарию, полные книг. Судя по всему, они были не заперты, и книги в них были всегда доступны желающим.

Весь свет поступал в галерею клуатра сквозь кабинки и книжные шкафы только с одной стороны, в случае Дарема со стороны застекленной южной стены, и, таким образом, источник света оказывался за спиной человека, стоящего перед армарием. Если он снимал книгу с полки и открывал ее, не меняя своего положения, то книга оказывалась в тени. Чтобы лучше разглядеть, что в ней написано, читатель должен был немного развернуться — тогда страницы оказывались на свету. Удобнее всего было повернуться лицом туда же, куда смотрели сидящие в кабинках, — к одному или другому концу аркады. Если читатель поворачивался непосредственно к кабинкам, на страницы падал, вероятно, слишком яркий свет.

Пока собрания книг были сравнительно невелики и пополнялись медленно, пользовались ими так, как было привычно, и не меняли заведенный порядок из-за небольших неудобств, связанных с тем, что читать книгу приходилось в тени (вероятно, тяжелую книгу приходилось читать, положив ее на край ларя или полки армарию, или поворачиваться на девяносто градусов к свету, держа при этом книгу в руках). Так что не было особых причин перемещать книгохранилища в хорошо освещенные зоны — до тех пор, пока книг в библиотеках не стало слишком много. А это изменило не только методы их хранения и демонстрации, но и способы чтения.

